

НА ОКОПАХ

Из книги Нарышкин Н.В. «Священная Сура», стр. 259

Симбирская губерния, ныне Ульяновская область—местность, как необыкновенно красивая своими бодрящими душу пейзажами (вспомним эти чудесные красоты на полотнах великого живописца Аркадия Александровича Пластова из обыкновенного русского села Прислониха Карсунского района!), так и невероятно своенравная в непрерывных неожиданностях средневожской природной стихии. В тех привольных местах нередко бывают проливные дожди, почти схожие с тропическими, а когда зимой пурга разыграется, то становится совсем как в Заполярье.

Добрые, очень доверчивые, безвредные, лучезарные и невероятно талантливые люди во все века и времена жили там мирно в многочисленных селах, возле рек, речушек, озер и болот, на пригорках и под холмами белошапковыми, на огромных лесных полянах и на безлесных, напоминающих степь равнинах. Люди вековечно пахали землю, сеяли в землю-матушку спасительное от голода и холода зерно, жали серпами рожь и просо, косили траву, ловили рыбу, в изобилии водившуюся в Волге, Суре, Барыше, Свияге, других реках, речушках и озерах. Люди рожали детей и воспитывали их трудом и совестью. Не было в тех местах людей без ремесла и промысла! Жили люди—русские, татары, мордва, чуваша и другие народы—столетиями в ладу друг с другом. По праздникам собирались, чтобы миром в церковь сходить, потом песни голосяные артелью попеть, а в будни помочью дома друг другу строили. Общая у людей была радость, и любую беду, случавшуюся с человеком, на всех делили.

Народ симбирский—очень гостеприимный, очень хлебосольный народ! В разные времена много кого побывало там в гостях. Давным-давно бывал в Симбирской губернии и Сам Александр Сергеевич Пушкин! Был он гостем чистородникового русского поэта Николая Михайловича Языкова. Свидетельство этому волнующему явлению Симбирской земли—ладная, похожая теперь на даму бальзаковского возраста легендарная Ель, поэтически сияющая окрест вот уже более ста пятидесяти лет на пригорке в бывшей усадьбе Языковых.

Все языковские мужики и бабы утверждали и продолжают утверждать, что Пушкин, ехавший в кибитке из поместья друга в Симбирск, попал в невероятной силы буран, при котором ни зги не видно,—и путнику в это время кажется, что наступает светопреставление. Я сам два раза попадал в эту адскую карусель... Ощувив на себе нрав разгневанной стихии, Пушкин эти жуткие ощущения, как утверждает народная молва, выразил в картинах "Капитанской дочки". Помните, там он писал: "Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены... Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег—и вдруг

повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. "Ну, барин,—закричал ямщик,—беда: буран!"... Вот так описал одну из причуд русской зимы в Симбирской губернии Пушкин. Но гениальный поэт, обладавший пророческим предвидением будущего, никак не мог предположить, что в этих местах в одну из необычайно лютых зим через сто лет разыграется драматическая эпопея, главным участником которой станет... женщина. Та самая женщина, божественно-воздушный, нежный, сияющий самыми светлыми красками мира образ которой поэт создал в своих бессмертных шедеврах...

К тем местам, в которых побывал и Пушкин, из моего василькового, стрижино-ласточкиного Посурья на протяжении десятилетий меня постоянно возвращала мама Анна Михайловна—крестьянка, вечная труженица, достойно пронесшая по жизни тяжелейшую женскую долю. Н. А. Некрасов давно сказал вот эти слова: "Есть женщины в русских селеньях, с походкой, со взглядом цариц...", но они, ведь к нашим женщинам-крестьянкам полностью подходят и сегодня.

Мама прожила восемьдесят семь лет и до последних дней своей жизни все повторяла вслух: "Да, сынок, пострадали мы за жизнь!.. Особенно страдали вот в тех самых местах, возле села Тагай, где, сказывали, проезжал когда-то Александр Сергеевич Пушкин!" Мама вела речь о величайших страданиях, кои она, тысячи и тысячи других женщин переносили в свирепую-студеную военную зиму 1941—1942 годов на окопах. **Рыли окопы женщины русские, татарки, мордовки, чувашки, женщины многих национальностей. Тогда беда была у всех одна, одно горе было у всех, и перенести все это люди могли только сообща.**

Древние, столетние старики не помнили таких суровых, трескучих морозов, какие свирепствовали в ту тревожную и опаснейшую для Отечества зиму. Мама сказывала, что на окопах при ветре, обжигающем лицо и пронизывающем насквозь тело, мороз достигал минус пятьдесят градусов! Такой холодище обычный человек не выдержит даже в овчинном тулупе, в теплых ватных или шубных брюках, в меховом малахае и в варежках из овечьей шерсти, а женщины и старики работали на окопах в лаптях с онучами или в полухудых валенках, в легких, выдавших виды телогрейках или зипунах. Бывало, что у женщин поверх голого, нежного тела—только сатиновая или ситцевая юбка, да и та вся в заплатках. Диву даешься, как могли милые, родные наши женщины все это выдержать!

На окопах люди работали с раннего утра и до глубокой ночи. За семь километров от села был фронт работы. Уходили туда, сказывала мама, ночью и приходили ночью.

Питание на окопах было двухразовое: завтрак скудный и скудный ужин. Постель—или совсем голый пол, или, вместо голого пола,—солома. Дом родной у многих был в 50—100 километрах от места, где рыли окопы, а в доме том оставались полуголодные или совсем голодные малолетние дети и дряхлые, беспомощные старики. Покачивая головой, сокрушаясь, говорила

мне мама: "Ты, трехлеток, и никудышная совсем здоровьем бабушка оказались, сердечные, брошенными. Вся моя душа по вас изболелась. И как вы только выжили? До сих пор дивуюсь".

В то суровое, тяжелое для всего нашего народа время было не до узкого семейного милосердия... Беда в нашем Отечестве была всеобщей. В стороне от той страшной беды никто не остался. Десятки миллионов людей оказались ее заложниками: одних сразила пуля врага, других—непосильная для человека, по сути дела, лошадиная работа, а третьих свел в могилу голод. В военную пору голод охватил и Среднее Поволжье. На моих глазах умирали от голода дети, женщины, старики. Страшно становится, когда из памяти вдруг выплывает леденящий душу этот ужас!

Мама рассказывала, что окопы-траншеи изможденные, испытые до дна голодом, холодом и непосильной работой люди рыли глубиной до... трех метров. Выполняли они эту адскую работу терпеливо, тихо, безропотно, но старательно. Они понимали, что без них, женщин, больше никто этого сделать не сможет. Женщины понимали, то, что они делали, может быть, в случае чего, той самой последней надеждой, которую имели на фронте про запас, носили в себе их отцы, мужья, братья. **Короче говоря, женщины, сотрясаясь от натуги, выполняли перед Родиной священный долг!**

Многие траншеи женщины и старики рыли на том месте, где стояли вековые, взметнувшиеся к небесам громадных размеров дубы и сосны. Женщины и старики эти деревья-гиганты пилили под корень двуручной пилой. Затем они выкорчевывали мощные пни и начинали чем придется сантиметр за сантиметром до трехметровой глубины долбить промерзлый, надежно переплетенный корнями деревьев слой земли.

Недавно в одном из залов волшебного ленинградского Эрмитажа—этого величественного пантеона духа, я был мгновенно погружен в поток стремительного волшебного сияния, которое исходило с жизнеродящих полотен Фр. Буше, Фр. Лемуана... То было сияние женственности, радости жизни, любви, нежного обаяния! То был зов вечного пробуждения Весны! Такие шедевры, как "Триумф Венеры", "Купальщица", "Галатее и Пигмалион", "Юпитер и Ио", сразу же повели меня в тайны философии творения жизни земной и космической. В те счастливые мгновения меня всего заливало божественной музыкой и райской игрой цветов утверждения

Жизни. Каждой клеточкой своей я чувствовал, как все сильнее и сильнее подымается половодье света и тепла, магическое половодье, вызываемое женщиной—средоточием Начала всех начал и всего сущего на этом свете. Своими ушами я слышал, как преобразованные в духовный эфир женщины воздушно слетали с полотен и пели чудесные песни о сокровенных тайнах жизни на земле!

Ну разве не о до конца не постижимых таинствах женщины говорит вот уже полтысячи лет гениальное, наверное, Богом благословенное творение Леонардо да Винчи "Джоконда"?!

А как начинает петь душа человеческая, когда мы мысленно прикасаемся к живописным симфониям А. А. Пластова "Весна", "Родник",

"Из прошлого", "Солнышко"?!

И вот в трагические для нашей страны, для нашего народа дни второй мировой войны, когда черно-коричневый смерч фашизма густым мраком накрыл нашу многострадальную землю, та самая Мадонна, которая призвана творцом на планету Земля для создания и поддержания на ней, на Земле, света, трепетных волнений любви, душевного тепла и покоя, была демоническими силами обречена на ужасные страдания. И она, женщина, страдала... Женщина приняла на себя нечеловеческие страдания во имя нашего настоящего и будущего. Страдая, женщина утверждала добро и в этом утверждении побеждала зло...

Зимой, свирепой зимой 1941—1942 годов над изуродованном войной пространством земли нашей стоял человеческий стон... Стон стоял и над окопами в районе Тагая. Стонали женщины... Женщины не плакали: им нечем было плакать; у них, выплакавшихся от нежданно-негаданно свалившихся на них мучительных потрясений, уже не было слез. Женщины стонали!.. Даже грохот шквальных ветров, неистово бесившихся в безбрежной снежной кутерьме по буграм, долам, проселкам и перелескам вынужденно исковерканной человеком земли, не мог заглушить стон женщин. "Казалось мне,—вздыхнув, говорила мне мама,—что все сатанинские силы ада собрались в тот самый момент вокруг нас, несчастных и незащитных, на свои зловещие гульбища". Силы зла не только там, на фронте, но и тут, в далеком тылу, справляли свои оргии!..

Стонали женщины в военное лихолетье... От этого стога даже в самой вечной природе и то было замешательство!.. Вы никогда не слышали, как стонет земля? Так вот: тогда, в войну, она стонала!..

В моем родовом присурском селе Кадышево, что степенно и привольно стоит в каких-то сорока километрах от тех языковских, пушкинских, пластовских мест, тот же надрывный стон по округе разносился в то время. Я, трехлетний несмышлениш, вместе со своей добрейшей, сказочной, мудрейшей восьмидесятилетней бабушкой Анисьей Архиповной слышал этот стон. Я его и сейчас слышу!.. Когда я его слышу, мне становится страшно,—и на меня лезут видения с картин Брюллова "Последний день Помпеи" и Берне "Буря"...

О люди, не переставая думаю я, зачем вы, люди, олицетворяющие венец мироздания, придумываете для себя эти ужасные страдания?! Зачем?!

Люди!!! Я прошу вас: постоянно памятью своей возвращайтесь к своему прошлому. Не забывайте, люди: оно, прошлое, для того и дается нам, чтобы мы в будущем всегда помнили о нем и чтобы из прошлого добро брали, а зло навсегда оставляли там.

Казань, февраль 1991 года